

*Данное произведение содержит элементы различных мифов, сказаний и народных преданий. События, имена персонажей, географические названия и прочее не имеют отношения к реальности.

Глава 1. [Арка: Земля суеверий и сказаний]

Глубоко погружённое сознание всплывает на поверхность. Пробудившаяся в одиночестве голова одно за другим разбудила спящие чувства. Прохладный воздух и слабый запах пыли. Тусклый свет, проникающий сквозь закрытые веки. Чей-то голос, доносящийся издалека сквозь стену. Тен, пытавшийся лениво валяться в постели, в конце концов сдался перед раздражителями, которые передавали ему пять чувств.

Тен, лёжа, только моргал глазами, а немного погодя поднял тело из-под одеяла. Распахнув окно, он увидел, что на ставнях, которые всю ночь стучали, был полный слой белого инея. Рассвет ещё не наступил, солнце ещё не взошло.

Внезапно стало обидно.

Прошло уже больше месяца с тех пор, как он взял отпуск без определённого срока и отдыхал. И всё же привычка, въевшаяся в тело за полжизни, не позволяла ему даже один раз выспаться допоздна.

Почему же я не могу долго спать? Тен приуныл. Что поделаешь. Это всё потому, что моё тело такое.

Тен, некоторое время молча смотревший на небо, где на краю густой тьмы начала появляться синева, снова закрыл окно. Хотя он открыл его лишь ненадолго, воздух в комнате резко изменился. Даже та дремота, что ещё оставалась, полностью исчезла. Тен обнял дрожащее тело обеими руками. Холодно, так холодно.

Снова зарывшись под одеяло, он посмотрел на камин. Красное пламя, не погасшее за ночь, горело внутри дров. Однако, сколько ни разжигай огонь и ни подкладывай дров, перед холодом Валенса, промозгло проникающим до самых костей, всё было бесполезно. И сейчас сквозь мельчайшие щели в оконной раме потихоньку проникал сквозняк.

Он провёл рассвет с открытыми глазами в темноватых сумерках, ожидая северного восхода солнца. В такие моменты не хочется никогда в жизни вылезать из уютного и толстого одеяла. Но его уже распирало. Тен, колебавшийся между нежеланием выходить и телом, которое хотело двигаться прямо сейчас, в конце концов решил встать. Уж лучше съесть завтрак, чем так мяться – это будет гораздо продуктивнее.

Выбравшись из постели, Тен слегка умылся водой, которую заранее набрал вчера вечером. Зря только с раннего утра проветривал. Всего лишь умылся, а кожа словно тонко резанула болью. Несмотря на то что он находился в помещении, с каждым вдохом появлялось лёгкое дыхание.

"Валенс. Отправляйся в Валенс".

Вспомнились последние слова матери.

"Это место, эта земля жары - не для нас. Ты должен отправиться в Валенс. Обязательно!"

Чем ближе подходила кончина, тем больше мать теряла рассудок и была одержима родиной. Изначально она была из какого-то малого народа здесь, в Валенсе, но, к несчастью, попала на глаза главе рода Камир, который возглавлял проект освоения земель. Юная девушка, не имевшая никакой силы, не смогла даже слова сказать в знак протеста и была разлучена с семьёй. А затем её привезли в землю солнца Нэйв, которую она видела впервые в жизни, и она стала наложницей.

Как говорит кто-то: пойманной рыбе корм не дают - глава рода, у которого уже было больше десятка жён и наложниц, привёз её в свой дом, а затем потерял к ней интерес. Примерно в то время она, обнимая свой сильно раздувшийся живот, заболела страшной тоской по дому.

Тен, переодеваясь и надевая перчатки, горько усмехнулся. Для матери это была родная земля, по которой она не могла уснуть от тоски, но для Тена, родившегося и выросшего в Нэйве, это была лишь чужая земля, не вызывавшая никаких чувств. Место, куда он никогда бы не приехал, если бы не её предсмертная воля.

Тен, наконец надев кольцо поверх перчаток, зря сжимал и разжимал кулак. Единственное хорошее в том, что он приехал в Валенс, - это то, что никто не считает странным, если носишь перчатки. В земле суровых холодов скорее странным казалось не носить перчатки.

Перед тем как выйти из комнаты, Тен посмотрел на своё смутное отражение в воде. Белая кожа, из-за которой его жестоко дразнили в детстве. В Валенсе все воспринимали это как само собой разумеющееся. То, что это белое лицо могло естественно смешаться с другими, не выделяясь в одиночестве, всё ещё было непривычно. Скоро привыкну. Хотя на самом деле было нормально даже не привыкать. В любом случае он сам...

— Сегодня тоже рано встали!

Когда он спустился на первый этаж, Софи, помогавшая с делами в гостинице, радостно поприветствовала его. Тен ответил на приветствие и направился к столику в подходящем углу, чтобы занять место. В любом случае меню этой гостиницы каждый день зависело от настроения повара. Не было ни меню, ни необходимости думать, что выбрать - было удобно.

Кстати, рано. Он-то думал, что стал довольно ленивым. Но всё ещё рано, говорят?

В отличие от Нэйва, где работали на рассвете, а в жаркий полдень и после обеда спали, в Валенсе день начинался довольно поздно утром, уже после того, как солнце взошло. В совершенно другом образе жизни, даже если он, не по-своему, медлил, это совершенно не было заметно. Ведь лениться может только тот, кто привык это делать. Тена же распирало так, что он не мог вытерпеть.

— Похоже, лето постепенно приходит. Раз погода так потеплела.

На слова болтливой Софи, которая принесла дымящуюся овсяную кашу, варёный картофель и жидкое пиво, Тен застыл.

Сейчас говорят, что погода сильно потеплела? Что лето приходит?

Тен безмолвно ужаснулся. Только после того, как Софи семенящим шагом начала мыть пол, Тен тоже пришёл в себя и приступил к скромной трапезе.

Тен впервые узнал здесь, что существует выражение "замёрзнуть насмерть". Не имея иммунитета к холоду, он по дороге сюда несколько раз сожалел. Неужели люди вообще могут жить в этой холодной земле? Может, мать, потерявшая рассудок, ошиблась? Дошло до того, что он думал такие непочтительные к родителям мысли.

На самом деле эта деревня, где он сейчас остановился, по меркам Тена располагалась на далёком севере, в зоне вечной мерзлоты, но если смотреть на весь Валенс в целом, то это был тёплый регион на самом южном краю. Линия Мажино, где могли проживать обычные люди.

— О-о. Снег идёт?

Софи тихо ахнула. Тен тоже посмотрел наружу. За открытой входной дверью падали белые маленькие комочки.

— Думала, больше не пойдёт. Наверное, это последний снегопад этой зимы.

Тен, застывший с отведённым взглядом, потеряв дар речи, резко поднялся и вышел наружу. Он вышел без верхней одежды, которую ценил как жизнь, но в этот момент ничего не приходило в голову.

Это снег. То, по чему так скучала мать, что так хотела увидеть до самого конца.

Лежащий снег он видел до тошноты по дороге сюда, но такой живой падающий снег видел впервые. Странное зрелище, когда белые и нежные частицы падали с пустого неба. Белые вещи оседали и сбивались в кучу, словно пытаясь вскоре покрыть весь мир своим цветом. Тен протянул руку. Снежинки одна за другой оседали на перчатке.

Холодно.

Он терпеть не может холод. Но почему же? Этот холод был не неприятным. Скорее приятным чувством.

Возникло желание снять перчатку и почувствовать это ощущение ещё более живо, но Тен этого не сделал. Он просто стоял, словно замороженный, молча подставляя себя под снег.

Внезапно в углу зрения показался чёрный комок. Это была старуха, которая присела, прислонившись к стене гостиницы. Перед ней, с головы до ног закутанной в чёрную мантию, стояло помятое жестяное ведёрко. Внутри пустой ёмкости вместо денег только накапливался белый снег.

День настолько холодный, что идёт снег. Если долго пробыть снаружи, сильно заболеешь. С виду не похоже, что у неё есть дом, куда вернуться.

Что делать? С одной стороны, делать вид, что не видел, было как-то неловко. В конце концов Тен встал перед ней. Достав из кармана несколько монет, которые там болтались, он бросил их в ведёрко, и глаза старухи, плотно закрытые, словно мёртвые, вдруг широко распахнулись.

— Не надевай кольцо туда.

— Что?

Что она вдруг говорит? Когда он удивился, как раз на глаза попало золотое кольцо с гербом рода Камир. Показалось, что ей мало денег и она жадничает до этого, но старуха покачала

головой. Из капюшона мантии вылился грубый, как наждачная бумага, голос.

— Не на безымянный палец, который связан с сердцем... Да, как ты, не следует надевать блестящее на указательный палец. На следующий день палец исчезнет вместе с кольцом.

— Что за...

Палец исчезнет? Показалось, что она зря пугает, но старуха выглядела бесконечно серьёзной.

— Ворона любит блестящие вещи. Белая ворона, возжелавшая кольцо, выключает твой палец и украдёт кольцо.

— Разве это не суеверие?

Суеверий, происходящих от духов, было бесчисленное множество. Но суеверие – это всего лишь суеверие, оно не может повлиять на реальность. Когда Тен нахмурился, старуха жутко рассмеялась.

— Ты. Пришёл из мира людей.

Ну а откуда же ещё человеку прийти, если не из мира людей. Это было странно. Она совершенно невпопад говорила такие очевидные вещи, но всё же их нельзя было отвести как обычную чушь.

Старуха прищурила глаза и мутными зрачками посмотрела на белёсое небо.

— Валенс, долгое время отвергавший стопы людей барьером снега и льда, – это совершенный мир духов. Их сила стала настолько велика, что суеверие перестало быть суеверием.

Старуха сухой, как ветка, рукой поманила, словно говоря: иди сюда. Когда Тен, хотя и с сомнением, подошёл, старуха открыто принялась, шмыгая носом, и вздохнула.

— Пахнет солнцем. Ты не житель этой замёрзшей земли. Так ведь?

— А, да.

Тен, вылитая копия матери, по внешности был не отличим от коренного жителя Валенса. Благодаря тому что с детства учил у матери, он прекрасно владел ленским языком, местным языком. Даже Софи не знала об этом, пока Тен сам ей не сказал.

Но старуха сразу же проникла в его суть. От жутко точной пронизательности мурашки пошли по коже. Старуха криво ухмыльнулась.

— Да не задержится на тебе пепельный взгляд Великого императора суровых холодов.

— Ха-ха. Это благословение, благословение.

Для благословения нюанс какой-то двусмысленный.

— А как вы благословляете в стране господина Камира? Из тех, что связаны с владыкой?

— У нас, заимствуя титул госпожи Нэйвахаты, говорят: "Да хранит тебя красное копьё Воина пламенного цветка".

— Ой, как романтично. Не что-нибудь, а копьё владыки хранит.

Задав и другие различные вопросы о Нэйве и сравнив с Валенсом, она кивнула.

— Точно. С вашей точки зрения, господин Камир, нас, возможно, трудно понять.

Продавщица в кондитерской лавке, словно боясь, что кто-то услышит, осторожно огляделась вокруг и понизила голос. Настолько, что даже Тен, стоявший прямо перед ней, мог расслышать, только внимательно прислушавшись.

— В Валенсе Великий император суровых холодов - объект страха. Настолько, что его имя упоминают, когда успокаивают плачущего ребёнка.

Вспомнилась мать, которая в детстве, когда он плакал, грозила: "Если сейчас же не прекратишь, Великий император суровых холодов тебя заберёт!" Тогда он и понятия не имел, что это значит, и плакал ещё громче, потому что ему было обидно из-за строгого, повышенного голоса. Если бы Великий император суровых холодов существовал, он наплакал бы столько, что того бы тут же забрали. Тен смущённо потёр затылок. Это постыдное воспоминание из детства, но теперь даже оно было покрыто краской под названием "воспоминание" и лишь казалось туманным.

— Значит, это благословение в смысле: пусть не задержится ужасный объект страха.

Но всё же. Не зря же к нему прилагается титул "Великий император". Казалось, что оценка местных жителей Валенса, которую можно считать его территорией, слишком уж сурова. Даже если он скажет такое, это будет звучать как слова чужеземца, который ничего не понимает.

Когда он протянул корзину с конфетами, которые выбрал, продавщица с улыбкой упаковала их. Разноцветные, красивые, как бусины, конфеты заблестели в полупрозрачной упаковке.

— Кстати, господин Камир. Теперь вы уже привыкли выбирать конфеты. Поначалу вы так смущались, что мне, глядящей на вас, тоже было неловко.

На её озорные слова он ответил неловкой улыбкой и протянул несколько хеллеров. Однако продавщица не приняла их сразу, а схватила руку Тена с деньгами и слегка провела по ней.

— Хотя. Взрослому мужчине может быть стыдно любить сладкое, как дети. Особенно такому крепкому мужчине, как вы, господин Камир, тем более.

— В-в следующий раз ещё приду.

Рука, положившая деньги на прилавок, была настолько поспешной, что раздался болезненный звук: тук. Когда он поспешно вышел из магазина, из-за закрытой двери послышался смех продавщицы.

— В этот раз не дайте отобрать!

Даже напутствие со смешком.

Тен вздохнул. Лучше бы с самого начала серьёзно и твёрдо отказался. Тен, у которого не было иммунитета к женщинам, несколько раз получал нежные прикосновения и взгляды, но даже не понимал, что это соблазнение. Поскольку он так долго вёл себя как растяпа, другая сторона постепенно становилась всё более откровенной, и в конце концов даже тупой-тупой Тен понял

СМЫСЛ.

Но даже поняв, каждый раз при таком контакте он по-прежнему не знал, что делать, и мялся. Несмотря на нормальную внешность, он вёл себя простовато, о чём пошли слухи по всей деревне.

Жалко. Так жалко.

Тен, яростно растиравший щёки, покрасневшие не от холода, а по другой причине, носком ноги наткнулся на что-то. Посмотрев на землю, он увидел деревянные блоки, которыми дети могли бы играть как игрушками, лежащие прямо у входа.

Один длинный блок и три блока-куба, стоявшие особняком. Всего четыре блока. На трёх кубах были нанесены номера: 1, 2, 3, но тот, что ударился о ногу Тена, был блоком номер 1. В отличие от блоков номер 1 и 3, которые валялись на земле как попало, номер 2 был положен поверх другого длинного блока.

Кажется, я видел это и в гостинице. Посмотрев снова, он увидел, что не только в гостинице, но и во всех магазинах и жилых домах, расположенных на этой улице, у входа были сложены деревянные блоки. Может, это местный тотем? Тен присел на корточки и слегка тронул блок номер 3. В этот момент из-за угла переулка послышались крики.

— Дядя, нельзя это трогать!

Это были дети, игравшие на улице. Дети кинулись к Тену.

— Дядя, привет!

— Что здесь делаете?

— Если это трогать, будет ругать!

— Конфеты купили?

Несколько детей столпились и каждый говорил только своё. Что к чему? Кто что сказал? Совершенно ничего не понятно.

Тен, внезапно окружённый детьми, с виду казался растерянным, но на его слегка улыбающемся лице проглядывала радость, которую он не успел скрыть.

"Со взрослыми нужно здороваться: здравствуйте. Да, купил конфеты". Даже на их чирикающие, как птички, голоса Тен без малейшего признака раздражения отвечал на каждое. Не забыл и вложить по конфете в руки детей, которые сверкали глазами в ожидании. Маленькие пухлые щёчки, раздувшиеся, как у бурундука, засунувшего в рот жёлудь, были милыми. На губах Тена заиграла нежная улыбка.

— Но почему нельзя это трогать?

Когда Тен, указывая на деревянные блоки, спросил, дети выкрикнули дыханием, полным запаха конфет:

— Гном-привратник!

— Они одинаково выглядят, и всё остальное должно быть одинаковым, а то они сердятся!

— Нельзя, чтобы они сердились. Они не будут работать.

— Если привратник не работает, беда! Плохое войдёт!

Хм. Совершенно не понимаю, о чём речь.

Тен любил детей, но его способность интерпретировать их язык не поспевала за его чувствами. Тен слегка сменил тему.

— Куда вы все идёте?

— На площадь!

— Сегодня на площади будут читать книжку сказок!

У жителей Валенса, где не было надлежащих административных органов, уровень неграмотности был высок. Поэтому в дни, когда единственный книжный магазин в деревне привозил новую книгу, кто-то из немногих взрослых, умеющих читать, устраивал для детей чтение сказок вслух. Это не было чем-то особо грандиозным. Но в маленькой деревне, где нечего смотреть и нечем заняться, даже это было очень особенным событием и пользовалось огромной популярностью.

— Дядя тоже пойдёте?

— Нет. Я не особо.

В моём возрасте втискиваться среди малышей и слушать сказки вслух. Есть предел стыду.

В ситуации, когда по всей округе пошёл слух, что у него, несмотря на размеры, детский вкус, любящий сладкие конфеты. Не хотелось добавлять новую тему для сплетен. Но дети были чисто сильны.

— Пойдёмте вместе! Всё равно делать нечего, правда?

— Точно! Моя мама говорила. Дядя безработный, да? Поэтому всегда в гостинице лодырничаете!

Дети просто передали то, что услышали краем уха, но это было в точку.

Да. Дядя безработный.

Хотя в двадцать с небольшим в основной профессии он был бы ещё в самом расцвете сил. Тен, привыкший к обращению "дядя", с трудом скрыл горечь. Для детей лет десяти вполне естественно, что он для них дядя.

На площадь, куда его выпроводили под натиском детей, — хотя стыдно даже называть это площадью — на маленькой пустоши было полно детей, вышедших, держась за руки родителей. Дети, которые по дороге несколько раз выклянчили конфеты и опустошили пакет Тена, закричали, что опаздывают, и бросились в толпу. Наверное, чтобы занять место получше.

Благодаря этому Тен остался один сзади, вдали от шумной толпы. На таком расстоянии не было видно ни волоска человека, который должен был читать сказку вслух. При таком раскладе, даже если будут читать сказку, вообще ничего не будет слышно.

Может, вернуться? Его просто притащили, на самом деле он и не хотел слушать сказку.

Площадь, где собрались дети в самом разгаре, была такой же шумной, как любой базар. Звук, начинавшийся "Давным-давно...", едва доносился, как тут же тонул в детях, которые плакали, кричали и бегали.

Есть люди, которым не нравится такой вид, считая его невоспитанным, но Тен любил это. Не только искренне светлые улыбающиеся лица, но и то, как они вредничают, шалят и плачут, устраивая беспорядок. Хоть и затруднительно, но ни разу не раздражало и не было неприятно. Тен любил все стороны детей.

<http://bllate.org/book/14993/1326415>